

Ростислав Иванович Сементковский
Антиох Кантемир. Его жизнь
и литературная деятельность
Серия «Жизнь замечательных людей»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175331

Аннотация

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839–1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Вступление	5
Глава I	8
Глава II	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ростислав Иванович Сементковский Антиох Кантемир. Его жизнь и литературная деятельность

Биографический очерк Р. И. Сементковского

С портретом Кантемира, гравированным в Лейпциге Геданом

Вступление

Заслуги князя Антиоха Дмитриевича Кантемира не только перед родным словом, но и перед родиной очень значительны. Кантемир был первым русским писателем в современном значении этого слова, – и каким писателем! Он сразу сообщил ясность и определенность всей нашей литературе, с необычайной точностью указал и основное ее направление, и основные ее задачи. «По мне, – говорил еще Белинский, – нет цены этим неуклюжим стихам умного, честного и доброго Кантемира». Белинский во время столь непродолжительного, к сожалению, литературного своего поприща вначале колебался относительно истинного значения Кантемировых сатир. Но незадолго до смерти он написал критический разбор сочинений Кантемира, в котором, уже не колеблясь, провозгласил нашего первого сатирика родоначальником всей новой русской литературы и с пафосом, столь родственным его возвышенной душе, говорил о радости, которую испытал бы Петр Великий, если бы ему довелось прочесть Кантемировы сатиры. И действительно, радость эта была бы велика, потому что никто из русских литераторов первой половины XVIII века не дал такого отчетливого и красноречивого выражения основному настроению, видам и задачам великого царя-преобразователя, как именно Кантемир. Недаром Белинский в конце своей литературной деятельности писал о Кантемире: «Этот человек по какому-то счастливому инстинкту первый на Руси свел поэзию с жизнью, тогда как сам Ломоносов только развел их надолго». Петр работал только для жизни: он был практиком в лучшем значении этого слова, и тем же практическим духом проникнуты и Кантемировы сатиры. Если в них можно искать поэзии, то только той, которая в метком и образном сопоставлении ищет силу для бичевания порока, и порок этот, против которого направлены стрелы первого нашего сатирика, только отчасти общечеловеческий, но главным образом присущ данной среде, данному народу. Просто изумляешься, как двадцатилетний молодой человек мог с таким глубоким проникновением усвоить себе дух русского языка, понять слабости и недостатки современного ему русского общества и с такой силой, но вместе и с такой любовью отметить их. И в какое время это было им сделано: в эпоху расцвета лжеклассицизма, когда даже такой сильный ум, каким был Ломоносов, всецело ему подчинился и витал в «заоблачных превыспренности по случаю площадных иллюминаций», забывая «о живой действительности... о правах общества». Кантемир ни на миг в течение всей своей деятельности не забывал о живой действительности: он, собственно, жил только для нее и даже вдали от приемного своего отечества, вдали от России, думал только о том, как бы ей служить, как бы искоренить в ней путем злой насмешки или распространения просвещения те пороки, которые так глубоко печалили его отзывчивую и любящую душу.

Смеюсь в стихах, а в сердце о злонравных плачу, —

писал уже Кантемир: он был родоначальником гоголевского «смеха сквозь слезы», он сильной рукой указал русской литературе то направление, которое так пышно расцвело в лице Фонвизина, Гоголя, Салтыкова и которое составляет основную ноту русской поэзии, ее преобладающее настроение. Он первый указал на долг гражданина, подавая в этом отношении пример. «Все, что я пишу, – таковы его слова, – пишу по должности гражданина». Таким же было у него не только слово, но и дело. В смутное время, наступившее после смерти Петра, в те тяжелые годы, когда произвол достиг небывалых размеров, когда даже сильные дрожали, постоянно опасаясь за свое имущество и жизнь, он гнушался пользоваться оружием, которое его враги пускали в ход против него, и как он призывал подвластных исполнять долг гражданина, так он говорил сильным мира сего:

Чист быть должен, кто туды, не побледнев, всходит,
Куды зоркие глаза весь народ наводит.

Да, Кантемир был, несомненно, первым нашим поэтом-гражданином, и родился он в такое время, когда, казалось, смешно было и говорить о гражданских чувствах. Тем больше ему чести; тем менее простительно нам забывать об этом выдающемся труженике на литературном поприще.

Но много ли нами сделано для уяснения себе истинного значения Кантемира? Стоит взять любой учебник по истории русской словесности, чтобы убедиться, как смутны еще, даже среди специалистов, взгляды на первого русского сатирика. Такой признанный авторитет, как покойный Галахов, повторяя первоначальное суждение Белинского, совершенно им отвергнутое впоследствии, заявляет учащейся молодежи, что «низшие слои разных сословий и званий оставались для Кантемира в стороне, не известные им и не возбуждавшие к себе внимания», что Посошков и Татищев как истые русские могли любить наш народ и не обвинять безусловно разных его сословий, но что Кантемира Тредьяковский «имел право назвать чужестранным человеком», не понимавшим духа русского языка. В том же смысле высказывается и Порфирьев в своем обширном учебнике истории русской словесности, составленном сравнительно недавно. И это говорится о писателе, если не родившемся, то с двухлетнего возраста жившем в России, преданном ей телом и душою, думавшем и заботившемся только о ней, усвоившем себе дух русского языка в таком совершенстве, что его стихи тотчас же превратились в расхожие выражения, в поговорки, которые были в восемнадцатом веке у всех на устах, подобно тому, как в девятнадцатом даже люди, плохо знакомые с грибоедовским «Горе от ума», постоянно его цитируют. Такие выражения, как «светлый ум», «чистая девица», «чуткое ухо», «зоркий глаз» и т. д., по верному замечанию одного критика, впервые были введены Кантемиром в литературный язык, – так чутко он сам прислушивался к народной речи и понимал, в чем ее сила и прелесть. Называть Кантемира, изгонявшего впервые иностранные слова из литературной речи в такое время, когда другие писатели щеголяли ими, осмелившегося впервые, по меткому выражению Батюшкова, «писать в России так, как говорят», называть Кантемира, всю свою душу положившего на служение русскому народу, иностранцем, упрекать его за то, что он неумолимою рукою раскрывал пороки современного ему общества, объяснять это иноземным его происхождением, а не глубокой любовью к России, – это представляется нам столь же кощунственным, как упрекать Гоголя в его малороссийском происхождении за то, что он сквозь жгучие слезы осмелял русское общество.

Но как бы то ни было, Кантемир причислен к нашим классикам. Ни пренебрежительный суд знаменитого в свое время литературного критика Полевого, категорически заявившего, что Кантемировы сатиры – «не громкий и звучный голос сильной души, негодующий на порок своего века, но мелкая насмешка над смешным» и что сатиры Кантемира «как поэтические создания, как самобытные русские произведения не имеют никакого права на наше внимание», ни колебания Белинского, первоначально писавшего, что Кантемир «был иностранец, следовательно, не мог сочувствовать народу и разделять его надежд и опасений», что он поэтому «забыт», – не повредили в конце концов громкой славе нашего первого сатирика. Но, может быть, именно в этих приговорах выдающихся наших критиков, в неустановившемся на него взгляде следует искать причины почти младенческого состояния литературы, посвященной первому нашему писателю. Что касается оценки его произведений, то лучшей и самой полной все еще остается статья Дудышкина, помещенная в «Современнике» без малого полвека тому назад. Дудышкин не смутился отрицательным судом Полевого, не смутился и колебаниями Белинского и с большой силой аргументации доказал, что Кантемир «первый в литературном мире обратился к русскому обществу и искал в нем предмета для стихотворства», что «он же первый открыто, неподдельно начал сатириче-

скую нашу литературу», что «он... был человек..., сознававший потребности России и благородно действовавший на открытом ему поприще, сколько позволяли силы». Кроме того, Дудышкин выяснил, что в Кантемировых сатирах составляет подражание Горацию, Ювеналу, Буало и что в них есть оригинального; он выяснил и всю несостоятельность мнения Полевого, будто бы Кантемировы сатиры представляют собой только «мозаику, составленную на досуге умным человеком» и, кроме плохого подражания хорошим образцам, ничего в себе не содержат; он выяснил истинное значение Кантемира, блестяще подтвердил мнение Жуковского, что «по языку и стопосложению наш сатирик должен быть причислен к стихотворцам старинным, но что по искусству он принадлежит к новейшим и самым образованным». Однако статья Дудышкина появилась, как я уже отметил, почти полвека тому назад; с тех пор собраны материалы для более полной оценки Кантемира, а между тем эта статья до сих пор является лучшей и почти единственной. Ни по достоинствам, ни по объему она до сих пор в нашей литературе не нашла себе равной. Что касается биографических работ, то они более полны, но общей обстоятельной биографии Кантемир все еще не дождался. Лучшими биографическими очерками остаются: биография аббата Венутти, составленная в конце сороковых годов XVIII столетия, т. е. тотчас после смерти писателя, и приложенная к французскому переводу его сатир, и затем очерк покойного Стоюнина, составляющий предисловие к глазуновскому изданию сочинений Кантемира, появившемуся в 1867–1868 гг. Монографий, касающихся отдельных периодов жизни и деятельности Кантемира, больше. Но и тут серьезного внимания заслуживают, собственно, только работы Стоюнина: «Князь Антиох Кантемир в Лондоне» («Вестник Европы», 1867 г., тт. I и II) и «Князь Антиох Кантемир в Париже» («Вестник Европы», 1880 г., тт. IV и V). Кроме того, за последнее время вышли две монографии, из которых одна значительно дополняет наши сведения о жизни и деятельности Кантемира. Во-первых, профессор Варшавского университета Александренко приступил к изданию всех реляций Кантемира из Лондона, пользуясь для этого архивами как нашими, так и иностранными; но пока вышел в прошлом году только первый том этого издания, в который вошли реляции 1732–1733 гг., т. е. всего за два года пребывания Кантемира в Лондоне. Во-вторых, Шимко издал в 1891 году книгу «Новые данные к биографии кн. А.Д. Кантемира и его ближайших родственников», составленную из писем самого Кантемира и его родственников, – писем, найденных автором в московском архиве министерства юстиции. Они представляют чрезвычайно ценный материал для освещения некоторых сторон жизни и деятельности первого русского сатирика. Таким образом, является возможность составить более подробное и рельефное его жизнеописание, и было бы крайне желательно, чтобы эта благодарная задача не была отложена в долгий ящик. Со своей стороны, я постараюсь собрать все существенное, написанное до сих пор о Кантемире, чтобы, насколько позволяют размеры общедоступной биографии, воспроизвести жизнь и деятельность Кантемира – этого «честного, умного и доброго человека», как его называл Белинский, этого первого русского гражданина-поэта, как его назовут с благодарностью все русские люди, когда снова установится общее убеждение, что гражданские мотивы не составляют контрабанды в поэзии и что гражданские чувства всегда и всюду, в жизни и литературе, красят человека и придают высший смысл его труду, борьбе, радостям и страданиям.

Глава I

Род Кантемиров. – Дед и отец нашего сатирика. – Детство Антиоха. – Его воспитатели и наставники. – Антиох и княжна Мария. – Влияние на них родителей. – Путешествие по России. – Культ Петра. – Любовь к науке, литературе и искусству

Приезд двухлетнего Антиоха Кантемира в 1711 году в Россию совпал с очень печальными внешними событиями. После славного полтавского боя русская армия, созданная Петром Великим, оказалась окруженной впятеро более сильным неприятелем на берегах Прута. Это была также своего рода Плевна, но только еще более прискорбная, потому что России пришлось заключить немедленно мир, не добившись победы, и возвратить Турции Азов, т. е. отказаться от мысли о проложении себе дороги к Черному морю. Верным союзником нашего отечества в эти тяжелые дни был молдавский господарь, князь Дмитрий Кантемир, отец сатирика, имевший громадное влияние на сына в умственном и нравственном отношениях. Ему наш сатирик в значительной степени обязан тем, что он был одним из самых просвещенных людей первой половины восемнадцатого века.

В его биографии не оправдалось правило, что выдающиеся деятели часто имеют весьма посредственных предков. Наоборот, и отец, и дед Антиоха Кантемира были люди выдающиеся: дед прославился своей храбростью и военными дарованиями; отец – своей ученостью и нравственными качествами; сам Антиох отличался литературными дарованиями. Но откуда взялся род Кантемиров? Биограф деда сатирика, князя Константина Кантемира, один из первых русских академиков, известный историк Байер, сообщает нам, что фамилия Кантемир – татарского происхождения. За ним и митрополит Евгений в своем известном словаре говорит, что предки нашего сатирика произошли от татар Мунгальского колена и считали родоначальником своим Тамерлана. Фамилию Кантемир производят от двух слов: Кан и Тимур, т. е. родственников Тимура. Но кан-темир означает также кровь-железо – эпитет, подходящий только к деду, выдающемуся воину, но не имеющий ничего общего ни с его отцом, мирным ученым, ни с ним самим, так как в его характере преобладали доброта и кротость. Как бы то ни было, не подлежит, кажется, сомнению, что род Кантемиров действительно татарского происхождения, но достоверные сведения мы имеем только о деде нашего сатирика, князе Константине. В молодости мы его застаем на польской службе. Поляками же он послан был в 1665 году полководцем против ногайских татар; а возвращаясь из похода, он освободил Яссы от нападения взбунтовавшихся 8 тысяч молдаван и возвратил княжение изгнанному господарю Дуке. Вообще он принимал деятельное участие как в борьбе поляков, турок и крымских татар, так и в судьбе молдавского княжества.

Результатом всех этих военных подвигов князя Константина было то, что род Кантемиров, во-первых, получил за верную службу ханам и молдавским правителям обширные поместья в Килийской и Измаильской областях и, во-вторых, добился княжения в Молдавии. Так, в XVII столетии отец и дядя нашего сатирика являются молдавскими господарями, избираемыми дворянами, но не всегда утверждаемыми Портой, потому что, как известно, это утверждение часто зависело от таких значительных подарков, что они могли вконец разорить лицо, желавшее заручиться милостью турецких правителей.

Чтобы проложить своему роду дорогу к господарству, князю Константину не требовалось много усилий. Его военные дарования доставили ему громкую славу и богатство. Кроме того, он был женат на близкой родственнице молдавских господарей, князей Дуки

и Дабизы, Анне Федоровне Бантышевой, женщине, как аттестует ее потомок, составитель известного «Словаря достопамятных людей», Бантыш-Каменский, «в науках очень знаменитой». Ей отец Антиоха, князь Дмитрий, и обязан первым образованием ума и сердца. Но, может быть, он не достиг бы такой значительной учености, доставившей ему европейскую известность преимущественно как историку (хотя он, кроме того, прекрасно изучил философские и математические науки) и лестное избрание в члены Берлинской академии, если бы ему не пришлось в молодости долго прожить в Константинополе в качестве заложника. Как известно, Порты пользовалась этим малогуманным средством, чтобы держать в руках подвластных ей правителей. В Константинополе князь Дмитрий усердно занимался изучением языков (он свободно говорил на турецком, персидском, арабском, греческом, итальянском, русском и молдавском; кроме того, знал славянский и французский), наук и увлекался музыкой, так что даже сочинял разные музыкальные пьесы, имевшие успех в столице Турции, а построенные им впоследствии в русских его поместьях церкви и монастыри свидетельствуют о том, что он любил и архитектуру. Всего он написал тринадцать сочинений и оставил много других неоконченными. Сочинения эти посвящены магометанской религии, возвышению и упадку оттоманского двора, состоянию Молдавии, турецкой музыке, истории сотворения мира с «физическими примечаниями», рассуждению о монархиях, логике и философии. Мы привели все эти данные об отце нашего сатирика, чтобы пояснить, какое благотворное влияние он мог иметь в умственном отношении на своего сына. Наружность у него была приятная, обхождение любезное, разговор увлекательный. Он вел весьма умеренный образ жизни и вечера проводил всегда в семье, с которой старался не расставаться и во время продолжительных своих путешествий. Прибавим к этому, что и женился он весьма удачно: на гречанке, предки которой были византийскими императорами, Кассандре Кантакузиной, женщине, отличавшейся большим образованием и всецело посвятившей себя воспитанию своих детей.

Но то, что отразилось так выгодно на князе Антиохе, т. е. ученость и нравственные достоинства его отца, вероятно, послужило помехой для упрочения молдавского княжества за родом Кантемиров. Во всяком случае, нам известно из истории, что князю Дмитрию трудно было справиться с интригами пронырливого и хитрого валахского князя Бранкована, стремившегося захватить власть над обоими княжествами. Бранкован интриговал так удачно, что заручился доверием как Порты, так и России, и перед печальными событиями на Пруте Петр доверял ему безусловно, не обращая внимания на все предостережения князя Дмитрия. Уже в 1692 году, когда умер князь Константин, молдавские бояре избрали его сына господарем, но Порты его не утвердила, и он снова поселился в Константинополе, где 10 сентября 1709 года и родился у него сын Антиох, наш знаменитый сатирик. Через два года после его рождения Порты сменила гнев на милость и послала князя Дмитрия в Молдавию управлять обоими княжествами, арестовав предварительно князя Бранкована. Возмущенная вероломством последнего Порты даже освободила князя Дмитрия от дани и подарков, но как только он прибыл на место, она, изменив своему слову, потребовала от него значительных сумм, постройки моста через Дунай для переправы турецкой армии, снабжения ее необходимым провиантом и выступления в поход против России. Князь Дмитрий на все это не согласился, перешел на сторону России и затем остался ей верен в постигшем ее несчастии. Во всяком случае, этот исторический факт должен быть нами отмечен, так как Россия обязана ему переселением семьи Кантемиров в ее пределы, а за гостеприимство, которое она ей оказала, та отблагодарила дарованием ей такого видного деятеля и писателя, каким был наш первый сатирик.

Порты была глубоко возмущена изменою князя Дмитрия и требовала от Петра его выдачи. Официально Петр отговаривался тем, будто бы князя Дмитрия нет в русском лагере, а своим приближенным он говорил: «Я лучше уступлю туркам всю землю, простирающую-

юся до Курска, нежели выдам князя, пожертвовавшего для меня всем своим достоянием. Потерянное оружием возвращается; но нарушение данного слова невозвратимо. Отступить от чести – то же, что не быть государем». А между тем искушение было велико, потому что русской армии и русскому царю угрожал плен, и, следовательно, надо было позаботиться о том, чтобы поскорее заключить мир с Турцией, а она сильно настаивала на выдаче князя Дмитрия, облегчившего русским войскам занятие Молдавии и снабдившего их провиантом. Для доставления успеха русскому оружию князь Дмитрий дал нашим комиссарам 10 тысяч волов, 15 тысяч овец и 10 тысяч талеров, словом, он разорился и, прибыв в русский лагерь, не имел уже никакого состояния.

Все эти жертвы должны были упрочить дружеские отношения между Петром и князем Дмитрием. Петр во что бы то ни стало хотел спасти его от турецкого гнева и прибег к разным хитростям, чтобы скрыть его от зорких глаз турецких соглядатаев. Так, князю Дмитрию пришлось долго укрываться в кухонном вагоне, где он нашел себе убежище за кастрюлями и другою посудой. Но и это убежище оказывалось не вполне надежным, и из-под ведения главного царского повара Фельтена князь Дмитрий перешел в ведение царского кучера, сбрав предварительно бороду и заменив молдавский костюм немецким. Он долго скрывался в карете царицы. Таким образом он перебрался в Россию. Как известно, с Турцией мир был заключен на весьма невыгодных условиях: о сохранении Молдавии не могло быть и речи, и поэтому князю Дмитрию вместе с его приближенными, двумя тысячами бояр, офицеров, слуг и прочих, пришлось навсегда переселиться в Россию и принять русское подданство. Петр его, однако, щедро вознаграждал за его потери, за утрату княжества и всего состояния. Ему предоставлен был титул светлейшего, ежегодная пенсия в 6 тысяч рублей, много вотчин под Харьковом, в Московском и Севском уездах и дом в Москве; кроме того, ему предоставлены были и владетельные права, например, суд над молдаванами, переселившимися с ним в Россию. В 1715 году князь Дмитрий приговорил к лишению жизни трех молдавских дворян, но потом смягчил это наказание, и Петр утвердил его приговор. Известна еще резолюция Петра: «Где его (князя Дмитрия) пребывание будет, чтоб был гарнизон Российский». Хотя исполнение приказаний Петра о предоставлении князю Дмитрию разных недвижимых имуществ сильно замедлилось, тем не менее в конце концов бывший молдавский господарь получил до 10 тысяч душ крестьян и, следовательно, жил в большом достатке. Все это дает нам ясное понятие о той обстановке, в которой рос наш сатирик в раннем детстве.

Непосредственных сведений о том, как жил и развивался Антиох Кантемир в этот ранний период, мы не имеем, но в общем можно составить себе довольно ясную картину тех влияний, которым он подвергался. Отношения между родителями были прекрасные; оба они одинаково заботливо пеклись о воспитании детей, как и о том, чтобы дать им самое лучшее и полное образование. Князь Дмитрий, заключая с Петром условие относительно своего вступления в русское подданство, выговорил себе право «послать сыновей своих для наук в знатные города и иные христианские страны». Отсюда видно, как сильно его уже в то время заботило образование детей, хотя старшей из них, княжне Марии, было всего одиннадцать лет. Кроме того, мы имеем и другие сведения об этой заботливости. Из Молдавии князь Дмитрий привез с собою ученого священника, грека Анастасия Кондоиди, именно в качестве наставника своих детей. Но Петр, озабоченный привлечением к государственной службе возможно большего числа образованных людей, которых, как известно, было тогда мало в России, определил ученого греческого священника в духовную коллегию и таким образом лишил детей князя Дмитрия опытного и знающего воспитателя. И вот мы видим, что князь Дмитрий ревностно заботится о приискании другого столь же опытного учителя. Для этого он даже не страшится гнева Петра и просит его отпустить к нему на поруки другого греческого священника, Либерия Колети, сосланного навечно в Соловецкий монастырь за причастность к делу царевича Алексея. Просьба его в конце концов была уважена, и таким

образом нашелся другой наставник. Вслед за тем князь Дмитрий имел опять столкновение с Петром из-за своих детей. Не довольствуясь иноземными воспитателями, он пригласил к себе одного из наиболее даровитых студентов Московской академии, которого Петр соби-рался отправить за границу для дальнейшего образования, известного Ивана Ильинского, имевшего также очень значительное влияние на своего ученика. Князь Дмитрий решительно воспротивился намерению Петра, и ему удалось удержать Ильинского при себе. Таким обра-зом, молодой Кантемир имел наставником своим, кроме отца, всегда присутствовавшего на уроках детей, матери, двух ученых греческих священников, еще и русского преподавателя, на которого в конце концов возложено было главным образом его воспитание и образование. К сожалению, об этом деятеле, столь близко прикосновенном к биографии Антиоха Канте-мира, сохранились весьма скудные сведения. Достоверно известно только, что в нем сильна была любовь к литературным занятиям, что он сам много переводил и писал и передал сво-ему даровитому ученику любовь к литературному труду и что он долго оставался в доме князя Дмитрия, исполняя между прочим должность домашнего секретаря, и поддерживал с Антиохом самые дружественные отношения вплоть до своей смерти (он умер в 1737 году). О громадном значении, которое придавал князь Дмитрий образованию своих детей, свидетель-ствует и духовное его завещание, в котором он настойчиво советует им заботиться о своем образовании, мало того, отказывает все свое имущество тому из них, который проявит наи-большие способности к научным занятиям, и в то же время называет своего меньшого сына, будущего сатирика, «в уме и науках от всех лучшим». Эта аттестация со стороны такого образованного и внимательного отца, каким был князь Дмитрий, служит доказательством, что Антиох уже в раннем детстве проявлял большие способности к научным и литературным занятиям. Она и в другом отношении является пророческой. Из всех детей князя Дмитрия от первой жены пятеро остались в живых: Мария, Матвей, Константин, Сергей (Сербан), Антиох. Из четырех сыновей только Антиох оказался вполне достойным принять наслед-ство своего замечательного отца. Константин, как мы увидим ниже, оказался в нравственном отношении человеком несостоятельным; Матвей и Сергей были вполне заурядными людьми и своею разгульною жизнью причиняли много забот Антиоху и Марии. Нельзя не удивиться, как из одной и той же семьи, высокообразованной, нравственной, самым заботливым обра-зом относившейся к делу воспитания, вышли столь различные дети. Между Антиохом и сестрой Марией, с одной стороны, и остальными братьями – с другой, нет почти ничего общего.

Кротость нрава, нерасположение к шумной житейской сутолоке, стремление к мирной жизни, к уединению составляют характеристические черты душевного настроения брата и сестры. Что общего между ними и другими, которые вечно возятся с какими-то «засорными харайками», дебоширят с ними и тут же приказывают своим слугам «отдуть на обе корки» своих товарищей, капитана Дубасова, какого-то поручика и даже его жену? Из интересных документов, собранных Шимко, мы видим, что все три брата причиняют Антиоху бесконеч-ные хлопоты и беспокойства. Константин лишает семью всего ее состояния, Сергей проиг-рывает значительные суммы в карты, выдает векселя и отказывается платить по ним, так что его товарищ, полковник Боборыкин, даже грозит убить его за это и совершает на него ночью набег «цугом в карете».

Верится с трудом, что все это дети, выросшие под нежным и заботливым попечением одного и того же отца, одной и той же матери. Теория наследственной передачи физических и душевных свойств на судьбе семьи Кантемиров мало оправдывается. Говорят, впрочем, что Антиох проявил особенную склонность к уединению и научным занятиям вследствие своей болезненности: он действительно был слабого телосложения и вечно хворал. Но, весьма воз-можно, что и болезненному его состоянию, и преждевременной смерти много содействовал чрезмерный умственный труд, потому что он от книг и книжных занятий с раннего детства

не отрывался ни на миг. По крайней мере, достоверно известно, что он сильнейшим образом расстроил себе зрение непрерывными кабинетными занятиями и по целым дням не выходил из комнаты. К тому же мы видим, что его сестра, княжна Мария, отличавшаяся вообще удовлетворительным здоровьем, почти с такою же ревностью предавалась книжным занятиям и находила в них высшее наслаждение в жизни. Мало того, мы должны констатировать, что между Антиохом и Марией существовало тайное сродство душ, что их вкусы, склонности, настроение, даже привычки удивительно совпадали: тот же тихий нрав, глубокая религиозность, преданность высшим интересам духа, стремление жить уединенною жизнью, нерасположение к свету, к участию в политической борьбе, крепость семейного начала, домовитость, – все это в одинаковой степени присуще брату и сестре. Если Антиох, как мы увидим, рвался за границу, чтобы усовершенствоваться в науках и мирно предаваться там их изучению на пользу приемного своего отечества, то его сестра не меньше чуждалась придворной жизни, хотя и была назначена фрейлиной Анны Иоанновны, и жила уединенною жизнью в Москве или под Москвою, предаваясь чтению, живописи, музыке, науке и заботясь о мирских делах лишь настолько, насколько эта забота обуславливалась глубоким желанием быть полезно нежно любимому брату и вообще семье.

Когда для нее стало ясным, что собственного семейного очага она иметь не будет, ее помышления были только о том, как бы соединиться с любимым братом или, в крайнем случае, посвятить себя одному служению Богу, создать мирную обитель, в которой нашли бы себе успокоение отрешившиеся от мирских забот одинокие женщины. Чем-то возвышенным, идеальным веет в этом отношении от брата и сестры, двух вполне родственных душ по основному настроению, если не по жизненным задачам и силе умственных способностей. Во всем их образе мыслей и поступках с большой силой проявляется, как мы уже заметили, глубокая преданность высшим интересам духа и, кроме того, чрезвычайная заботливость о благополучии близких людей и вообще всех, с кем сводила их жизнь. Эта заботливость распространялась у них не только на людей, но даже на животных. Когда во время большого московского пожара 1737 года у княжны Марии сгорел ее дом, она пишет брату, что больше жалеет о своей собачке Перле и двух кошках, погибших в огне, чем о доме. «Горько оплакала я их смерть, – продолжает она. – Кондоиди сочинил им надгробную речь, подобную той, какая, если помните, была произнесена над Ромашкой, собакой нашего отца, а Ильинский перевел эту речь на русский язык». Надо сказать, дом княжны Марии до такой степени был наполнен кошками и собаками, что она в шутку называла его своим Ноевым ковчегом.

Столь же любовно относились брат и сестра к старым слугам своего отца, на глазах которых они выросли. В письмах княжны Марии к Антиоху встречаются часто приписки этих слуг вроде следующих: «И я, сиятельный господин, смиренно кланяюсь вместе со служанкою вашей Екатериною, прося Бога увидеть вас здоровым и радостным», или: «Не гневайтесь на меня, ваше сиятельство, за то, что я давно вам не писал. Я все странствовал по горам и полям русским». Эти приписки принадлежат верному слуге князя Дмитрия, его дворецкому Камарашу. Другой слуга, Гризавиди, делает следующую приписку: «Выпиваю за ваше здоровье две рюмки водки и прошу вас не забывать меня и моих трудов». Какая-то Даниловна пишет князю, что записала его имя для поминовения за здравие, просит ему у Бога всякой милости, особенно, чтобы он поскорей женился и тогда устроил ее в монастырь. Сама княжна Мария извещает брата, что одна из их служанок вышла замуж за ефрейтора, или сообщает, что Ефрему Бог дал сына, или просит разыскать в Лондоне мать поступившей к ней в услужение немки.

Эту же заботливость Антиох и Мария распространяют и на своих крепостных. Жалуясь на неплатеж крестьянами оброка, что было особенно чувствительно для нашего сатирика, потому что его материальное положение за границей лишало его всякого спокойствия, княжна Мария пишет: «Приходится терпеть и сидеть сложа руки. Что делать! Не одни наши

мужики так бедны. Я очень довольна тем, что долго прожила в деревне, так как там меньше расходов, чем в Москве... Жаль крестьян: уже третий год у них неурожай». И княжна Мария не решается взыскивать с них недоимки, а предпочитает заложить у какого-то Игнатия Францевича свой крестик и не выслать брату денег за границу. Чувства княжны Марии к крепостным выразились и в том красноречивом факте, что перед смертью она дала всем дворовым вольную и завещала «до приискания пропитания кормить их и давать им помещение, а при уходе выдать им жалованье и харчи на полгода». Что же касается чувств самого Кантемира в этом отношении, то о них свидетельствуют его стихи. Еще в начале XVIII столетия наш сатирик писал, что «пахарь и вельможа равны в суде, и одна правда превосходна», что «та же и в свободных, и в холопах течет кровь, та же плоть, те же кости». Тогда уже сатирик негодовал на тех, «кто каменной душою бьет холопа до крови», и клеймил того, чью «храбрость один лишь холоп искушает», потому что «он один отвечать не посмеет». Пышно расцвели в нем эти чувства доброжелательства к ближним, которые вынес он из семьи, расцвели и разрослись до просвещенного осознания гражданского долга, до глубокой преданности общественным и государственным интересам, до готовности не щадя сил и здоровья служить отечеству.

Но об этом речь у нас впереди. Мы пока хотели только указать и, по возможности, выяснить те влияния, которые испытал он в кругу родных в детстве. Если он вынес из семьи много плодотворного, то потому, что у него была богато одаренная натура: душа его воспринимала, жадно поглощала добрые семена, посеянные родителями и наставниками. Только этим и можно объяснить себе, что из одной и той же семьи вышли столь различные дети. Мария и Антиох прониклись семейной атмосферой, окружавшей их в детстве, и каждый по-своему взрастил в себе воспринятые ими родственные семена. Остальные братья как бы вышли из другой семьи: Константин совсем выродился в нравственном отношении; Матвей был самым заурядным человеком, ничем не отличавшимся от сотни других товарищей и офицеров, а Сергей (последний представитель рода Кантемиров, умерший в Москве в 1780 году) только под конец жизни проявил домовитость и некоторую практичность, благодаря которой сделался собственником очень значительного состояния. Отметим еще мимоходом, что дочь князя Дмитрия от второго брака с Трубецкой, Екатерина Дмитриевна Голицына, завещала 22 тысячи рублей – сумму очень значительную для того времени, на проценты с которой должны были получать медицинское образование молодые русские за границей, преимущественно в Страсбургском университете. Россия обязана, таким образом, этой дочери князя Дмитрия многими врачами, в том числе такими замечательными, какими были Тереховский и Амбодик.

Касаясь тех влияний, которым подвергался наш сатирик в детстве, мы не можем не упомянуть еще о двух обстоятельствах. Составители учебников по русской словесности, упрекающие Антиоха Кантемира в его чужеземном происхождении, в недостаточном знакомстве с русским народом и даже духом русского языка, забывают, что он уже в детстве имел случай близко познакомиться с приемным своим отечеством. Князь Дмитрий постоянно находился в разъездах, жил в своих вотчинах, о благоустройстве которых он много заботился, в Москве, в Петербурге, под конец жизни совершил еще путешествие через всю Россию в Персию и постоянно брал с собой свою семью, в том числе и сына Антиоха. Уже двухлетним ребенком Антиох был перевезен из Ясс под Харьков, где он, кажется, прожил довольно долго в поместье своего отца, затем перевезен был в Москву, а оттуда неоднократно совершал вместе с отцом поездки в курские и орловские поместья, где тот подолгу проживал. В 1719 году отец, вступив во второй брак, переселился окончательно в Петербург, а из Петербурга тринадцатилетний Антиох совершил вместе с отцом путешествие через всю Россию в Персию, хотя из-за опасной болезни отца добрался только до Астрахани. Таким образом, уже в раннем детстве он постоянно был окружен русскою природой, русскими людьми, изъездил Рос-

сию вдоль и поперек, его глаз и ухо ловили русские виды, русские звуки. Все впечатления, которые он получил в детстве, были проникнуты русским духом, а впечатления раннего возраста бывают, быть может, самыми сильными в жизни. Вот чем объясняется факт, отмеченный одним критиком с некоторой, небольшой, впрочем, неточностью в цифрах и датах: «С двенадцатилетнего возраста в походах в Персию, с четырнадцати лет в полурусском тогда Петербурге, с двадцати двух лет за границую. Всего восемь лет в России. Но он понял гений языка русского... Он первый в России осмелился писать, как говорят».

Но удивляться тут нечему: с двухлетнего до двадцатилетнего возраста, т. е. в период жизни, когда человек наиболее восприимчив, когда он окончательно формируется физически и духовно, когда воспринимает наиболее сильные впечатления, Антиох постоянно разъезжал по России и близко знакомился со страной и людьми. К тому же, как мы уже видели, одним из его учителей был Иван Ильинский. К сожалению, в точности неизвестно, с какого года он жил в семье Кантемиров. Известно только, что уже в 1716 году Петр требовал от князя Дмитрия, чтобы тот отпустил Ильинского для отправки его за границу. Следовательно, Ильинский находился в доме Кантемиров уже тогда, когда будущему сатирику было всего семь лет. Влияние Ильинского на него было громадным. Об этом свидетельствуют многие факты: несомненно, что от учителя Антиох перенял склонность писать стихи; как Ильинский составил «симфонию» на темы Четвероевангелия, так Антиох уже на четырнадцатом году составил «симфонию» на темы псалмов – первый печатный труд нашего сатирика. Мало того, из заметок Антиоха в его календаре за 1728 год видно, что он находился в деятельной переписке со своим бывшим наставником, и мы знаем, что эта переписка продолжалась в течение всей жизни Ильинского. Таким образом, в самой семье мальчик с раннего возраста подчинялся русскому влиянию и начал уже мыслить и чувствовать по-русски. Хотя, по-видимому, разговорным языком в семье Кантемиров был греческий, но родным языком он считал русский. Со своею горячо любимую сестрою Марией он переписывался на греческом и итальянском языках, но, очевидно, отчасти для усовершенствования в них (итальянским языком Антиох начал свободно владеть только за границей), отчасти же чтобы скрыть содержание корреспонденции от охотников до чтения чужих писем, которых в России было и тогда много. Переписка на этих языках представляла для него затруднение, и когда он чувствовал себя слабым, когда болезнь лишала его энергии, он писал сестре по-русски. Так, одно из его писем начинается следующими словами: «Будучи я весьма слаб, а наипаче сего дня, не в состоянии много писать, для того отвечаю по-русски». Это письмо относится к 1744 году – году смерти Антиоха; следовательно, оно написано после того, как он провел за границей двенадцать лет из тридцати пяти, прожитых им на свете. Прибавим к этому, что в течение этих двенадцати лет он почти исключительно встречался с иностранцами, ни разу не был в России, откуда он уехал двадцатидвухлетним молодым человеком, и мы поймем, как глубоко сроднился Кантемир с русской речью и как он даже в этом физиологическом, так сказать, отношении был русским до мозга костей, хотя сам и называл себя «породою иноземцем».

Особенно любопытно уяснить, какие чувства внушены были Кантемиру в детстве о политических отношениях. Детство его более или менее совпадает с первой четвертью восемнадцатого века, когда еще не было и речи о явных признаках той бури, которая разразилась над Европою в конце того же столетия. Отец Антиоха ставил монархический образ правления очень высоко вообще и, в частности, по отношению к России. Вся просвещенная Европа восторгалась тогда неумолимой и гениальной деятельностью Петра, направленной к приобщению нашего отечества к остальному цивилизованному миру. Еще в 1739 году Вольтер в письме к Кантемиру поздравляет его с тем, что семья князя отрелась от варваров-турок и переселилась в Россию, находившуюся под управлением Петра, и с пафосом говорил о «великих идеях» русского царя. Те же чувства владели и отцом нашего сатирика.

Это видно из его сочинений, из той преданности, которую князь Дмитрий проявлял к Петру, и подтверждается его готовностью служить великому царю чем он только может, его жалобами на то, что Петр не дает ему возможности проявить рвение к службе государственной. «Близ десяти лет, – пишет он Петру, – еще я празден был, обаче не яко не хотел, но яко не имел повеления».

Нас не должны тут вводить в заблуждение вечные жалобы князя Дмитрия на необеспеченность его материального положения, на лишения, которым он подвергается в России, и прочее. Не следует забывать, что в Молдавии он был богатым человеком и вел жизнь владетельного князя. Переселение в Россию было сопряжено для него с немалыми лишениями и убытками, несмотря на щедрое вознаграждение, предоставленное ему Петром, тем более что воля Петра, несмотря на всю его энергию, как известно, далеко не всегда в точности исполнялась. Так, уцелели черновые нескольких донесений за подписью бывшего господаря о выдаче назначенной ему ежегодной 6-тысячной пенсии, отведении пожалованных земель, обидах, чинимых ему киевским губернатором князем Дмитрием Голицыным (сыгравшим впоследствии, когда он был верховником, такую неприглядную роль в жизни нашего сатирика) и курским обер-комендантом Колтовским, черновые его прошения на высочайшее имя об ограждении его от несправедливых действий сената и того же князя Голицына. В одном из этих прошений говорится: «Загороднова двора, о которого даче тремя именными указами правительствующему сенату повелено, еще не дано». Кроме того, князь Дмитрий жалуется, что он не имеет средств помочь старшему брату и племяннику, которые, живя в Константинополе и Молдавии, «едва повседневную имеют пищу, и то за мою причину, что верность величеству вашему соблюл непорочную». Мы видим, следовательно, что и при Петре – и это хорошо всем известно – «законы были святы, да исполнители лихие супостаты»; даже троекратное высочайшее повеление не исполнялось; но в то же время из всех сохранившихся документов видно, что отец нашего сатирика нисколько не сомневался в добрых намерениях самого царя и питал к нему преданность и глубокое уважение. В этих чувствах был воспитан и Антиох. Это совершенно очевидно из тех восторженных похвал, которые он при всяком удобном случае расточал по адресу великого преобразователя. Для него Петр был идеальным правителем.

Он изображает его «испытующим обиды, учиненные люду», или ищущим способа облегчить нужды народа, или награждающим «суших в бедности».

Правда, он восхвалял в стихах и правительниц, сменивших Петра, но в этих восхвалениях дело не обходится без некоторого ехидства. Так, в речи к Анне Иоанновне он говорит:

Да, искусство требует наше стихотворно,
Чтоб меж правдою было нечто и притворно,

и заключает заявлением, что лучше молчать, «нежели грубы похвалы писать», а в посвящении Елизавете Петровне с неменьшим ехидством включает следующие стихи:

Явно бо, что книжку раб, дая ей такую,
Другом добродетели весь свет признал тую.

В стихах же, посвященных Петру, нигде не заметно ни следа той сатирической соли, которая так близка душе Кантемира; в них вы не найдете ничего, кроме глубокого чувства уважения, иногда доходящего до восторга. В каждом слове его стихов, посвященных Петру, чувствуется беззаветная преданность, отношение благодарного ученика к незабвенному великому учителю, и, как увидит читатель из дальнейшего нашего очерка, Кантемир

действительно старался идти только по стопам Петра на поприще, ему наиболее свойственном и сродном.

Таким образом, мы очертили те условия, в которых рос наш сатирик в детстве. Подведем теперь итоги. Родители его принадлежали к числу самых образованных людей своего века, отличались большими нравственными достоинствами и сумели внушить детям безграничную к себе любовь, которую те сохранили на всю жизнь. Когда Антиох прислал сестре своей Марии сочинения Боккаччо, она, поблагодарив брата, следующим образом отозвалась о новелле «Фьяметта»: «По моему мнению, когда Боккаччо писал это сочинение, он... забыл, что мать его – женщина». С таким же уважением относился и сам Антиох к памяти своей матери, а об отце он постоянно отзывался как о лучшем своем наставнике, сам составил его биографию, заботился об издании его сочинений, о переводе их на другие языки и спешил исправить все ошибки или опровергнуть обвинения, которые могли омрачить его память. Известна, например, по этому поводу его переписка с Вольтером, изобразившим в своей истории Карла XII Дмитрия Кантемира изменником. Это уважение к памяти родителей, эта любовь, которую сохранили к ним дети до конца жизни, были вызваны, понятно, не только достоинствами родителей, но и их любовным отношением к детям. Отец и мать никогда не разлучались со своими детьми, они окружали их всевозможной заботой, развивали в них любовь к знанию, к просвещению и делали все, что было в их силах, чтобы дать им возможно полное образование. Не все дети князя Дмитрия воспользовались этими благоприятными семейными условиями, но наш сатирик и его сестра Мария вынесли из родительского дома глубокое уважение к знаниям, науке, искусству. В них они усматривали не только высшее наслаждение в минуты отдыха от других занятий, но, как видно из жизни обоих, даже вопреки словам самого Кантемира, что к литературному труду только «в лишние часы прилежать позволено», они оба, в сущности, жили литературой, наукой, искусством. Их переписка была посвящена главным образом указаниям на новые книги. Антиох то и дело посылал сестре разные книги, преимущественно научного содержания (по астрономии, геометрии, космографии), лучшие произведения классической литературы, о путешествиях и тому подобное. Оба они занимались живописью и музыкой (картины Антиоха вызывали одобрение знатоков). Не пустой фразой в устах Кантемира были слова, что «крайние желания» заставляют его тратить время,

Исследуя всех вещей действа и причины.

Душа его постоянно рвалась к «тишине», к «малому дому», где бы он спокойно мог предаваться научной и литературной работе, и в этой его склонности нельзя не усмотреть влияния тех впечатлений, которые он вынес из родительского дома. Впоследствии, когда он стал чувствовать себя общественным деятелем, когда сознание гражданского долга пронизало все его существо, он, согласно с теми же впечатлениями, давая волю своей склонности, усматривал благо и счастье близких ему людей, а затем народа, с которым он сроднился всей душой, своего приемного отечества, к светлому будущему которого он питал безграничное доверие и принадлежностью к которому он гордился, ревниво оберегая добрую его славу и достоинство перед другими народами как писатель и как дипломат, – впоследствии, говоря, он, примыкая к традициям царствования Петра Великого, усматривал счастье и благо России в распространении просвещения среди русского народа, в заимствовании у других народов всего, что они выработали хорошего, критически относясь к этому хорошему и не принимая мишуры за золото. Так, любовь к просвещению и любовь к ближнему, а затем и к соединению ближних, к отечеству, уже с малолетства развилась в нашем сатирике и, в связи с чувством безграничного уважения к Петру Великому, легла в основу всей литературной, общественной и государственной деятельности Кантемира.

В общей я пользе собственную чаю.

Этот стих из письма к князю Н.Ю. Трубецкому стал как бы девизом всей его жизни. Если крайним его стремлением было в тишине «исследовать всех вещей действия и причины», то этим он не только хотел способствовать стремлению, присущему его душе, но и поделиться с другими результатами этих исследований, воспользоваться ими для увеличения благополучия и счастья своих соотечественников, для которых он мыслил, трудился и жил. Любовь к научному труду, к искусству, просвещенный патриотизм и глубокое религиозное чувство – вот что Кантемир вынес из родительского дома. Религиозное чувство, которое ему было в детстве внушено, отличалось, как мы увидим, таким же просвещенным характером, как и его патриотизм. Он далек был от всякой религиозной нетерпимости, находился в дружеских отношениях с людьми различных вероисповеданий и мало дорожил внешней стороною религии, оставаясь, однако, верен православной церкви, к которой принадлежал от рождения. За границею друзьями его были довольно видные представители римско-католической церкви, и один из них, аббат Венутти, даже написал его биографию, дышащую искренним, почти восторженным сочувствием к Кантемиру и в течение более века остававшуюся лучшею биографией нашего первого сатирика. Тем не менее, как ясно сознавал Кантемир все недостатки и злоупотребления римско-католического духовенства и как метко он на них указывал! Но с той же неумолимостью раскрывал он в своих сатирах невежество и суеверие нашего духовенства, состоя при этом в самых дружеских отношениях с лучшими его представителями – такими, как Феофан Прокопович и Феофил Кролик.

Глава II

Раннее развитие Кантемира. – Заиконоспасская академия. – Кантемир и Ломоносов. – Академик Гросс. – Характерный анекдот. – Самостоятельность Кантемира. – Лишение его отцовского наследства. – Прокопович и Кантемир. – Их союз

26 октября 1719 года на дворе знаменитого Заиконоспасского монастыря был большой, торжественный съезд; в церкви происходила страшная давка; десятилетний Преображенский солдат, светлейший князь Антиох Дмитриевич Кантемир должен был произнести на греческом языке похвальное слово святому великомученику Дмитрию Фессалийскому в присутствии Петра I.

Все биографы нашего сатирика отмечают этот факт, как бы придавая ему существенное значение в смысле раннего развития Кантемира. При этом, однако, упускается из виду, что пятью годами раньше князь Дмитрий ездил в Петербург вместе с семилетним сыном Сергеем и что этот ребенок в день Пасхи произнес в присутствии того же Петра слово на греческом языке, за что ему сделан был значительный подарок, и он был определен в Преображенский полк. Таким образом, оказывается, что семилетний Сергей Кантемир превзошел по раннему развитию своего младшего брата, а между тем на всю свою жизнь остался заурядным человеком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.